

УДК 1:316

М. ХАЙДЕГГЕР: ЧЕЛОВЕК, КУЛЬТУРА, ТЕХНИКА

© 2012 г. А.В. Зезюлько

Зезюлько Александр Викторович –
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра технологии материалов и машиноведения,
факультет технологии и предпринимательства,
Педагогический институт Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: zezulko.a@yandex.ru.

Zezyulko Aleksandr Viktorovich –
Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor,
Department of Materials Technology and Engineering,
Faculty of Technology and Entrepreneurship,
Pedagogical Institute of Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082.
E-mail: zezulko.a@yandex.ru.

Анализируется проблема техники в современной культуре в трактовке М. Хайдеггера, который не рассматривает технику только как некий инструмент, средство достижения внешних по отношению к ней целей, а человек не выступает у него как господин техники и мира. Хайдеггер видит состояние современного человека в его глубокой связи с техникой таким, какое не является внешним для него, а есть способ осуществления его самого. Для Хайдеггера техника не локализована в субъекте или объекте, но проявляется как отношение между ними, взаимоотношенное единство, от которого нельзя просто уклониться.

Ключевые слова: *новоевропейский человек, культура, техника, сущность техники, хайдеггеровское наследие, постав, непотаенность.*

The problem of technology in contemporary culture in the interpretation of Heidegger is analyzed; Heidegger does not see technology only as a tool, a means to an external with respect to its objectives, and people as the Lord of technology and the world. Heidegger sees the condition of modern man in his deep connection with this technique, which is not external to it, and there is the way being of him. For Heidegger, technology is not localized in the subject or object, but is shown as the ratio between them and there is unity between them, which one can not simply avoid.

Keywords: *new European people, culture, technology, essence of technology, Heidegger's legacy, hocks, unconcealedness.*

В первой половине – середине XX в. жизнь ново- европейского человека существенно изменилась. Именно в этот период были реализованы такие важные научно-технические достижения, как автомобиль, самолет, кинематограф, открыты структура атомного ядра, радиоактивность. Для искусства они быстро стали актуальным, востребованным материалом – вспомним такое авангардное направление изобрази-

тельного искусства, как «лучизм», появившийся в 1910-х гг. отчасти под влиянием открытий Л. Беккереля, П. и М. Кюри, Э. Резерфорда и Ф. Содди, осуществленные ими на рубеже XIX – XX вв. Для философии же достижения научно-технического прогресса оказались тем материалом, из которого в течение всего столетия выростала философия техники.

Исследователи в области аналитики техники по отношению к предмету своего изучения могут принадлежать к одному из двух оценочных полюсов. С одной стороны – те, для кого свойственно признание роли и значения техники, ее значимости для развития культуры, зачастую скорее апологетическое, нежели критическое (к этому полюсу тяготеет, например, П.К. Энгельмейер). С другой стороны – те, кому свойственна неприязнь к техническому прогрессу, внимание в первую очередь к его негативным последствиям, и потому – критика техники. Однако собственно философское исследование техники предполагает не только и не столько оценку, сколько осмысление сущности явления или процесса.

Философская рефлексия сущности техники выводит нас за пределы инженерии как области практического применения науки, техники, естественнонаучных законов в область вопросов антропологического характера. Поэтому считаем закономерным исследовать представления о масштабных процессах технической экспансии в философии М. Хайдеггера, который наиболее ярко высказал традицию немецкой в частности и европейской вообще философии техники.

Существует распространенная точка зрения, что интерес к проблеме техники у Хайдеггера появился уже позднее написания «Времени и бытия» (1936). Об этом говорят, например, Ф.В. фон Херманн, известный издатель и исследователь хайдеггеровского наследия [1], а также специалист по истории европейской философии Д. Тома [2]. По его мнению, ключевое для философии техники Хайдеггера понятие «Gestell» было первоначально использовано для прояснения сущности искусства и лишь потом применено к анализу техники, поэтому можно говорить о том, что до 1936 г. Хайдеггер был к этой проблеме безразличен.

Однако российский философ А.Н. Павленко указывает, что, хотя к пониманию сущности техники Хайдеггер приближается в период «Beiträge zur Philosophie», это не значит, что техника как таковая до 1936 г. у него вообще не рассматривалась [3]. Так, онтологический исток техники является у Хайдеггера предметом анализа в § 19 – 23 (особенно 23bg) в [4], где рассматривается различие «наличного» и «подручного». Таким образом, наиболее ярко высказанные в докладе «Вопрос о технике» [5] идеи прошли достаточно длительный путь развития, и интерес немецкого философа, пережившего две мировые войны, к технике и технологии далеко не случаен.

Рассмотрим более подробно работу «Вопрос о технике» как программную для понимания философии техники Хайдеггера. Этот текст строится на основе выступления в Мюнхенском высшем техниче-

ском училище от 18.11.1953 г. Первая публикация состоялась в 1954 г. [5]. В менее развернутом виде этот доклад был сделан в 1949 г. в Бремене, когда в период запрета на преподавание Хайдеггер выступал в клубах перед интересующейся, но не профессиональной философской аудиторией. Причем в этом случае он входил в цикл докладов под общим заглавием «Прозрение в то, что есть» как вторая часть – «Gestell» («постав»); четвертым докладом в этом цикле был текст «Поворот», анализируемый дальше.

Специфика аудитории, как можно предположить, могла повлиять на особенности содержания и структуры доклада; кроме того, не следует забывать, что в экономике послевоенной Германии именно в 1949 г. произошло нечто особенное – была начата реализация плана К. Аденауэра (1876 – 1967), бывшего в 1949 – 1963 гг. федеральным канцлером, по созданию в стране социального рыночного хозяйства. «Экономическое чудо» восстановления национальной экономики и идея «благополучия для всех» опирались на серьезные технические преобразования. Иначе говоря, Хайдеггер берется за вопрос о технике не только потому, что понимает ее военное значение, но и потому, что технический прогресс и экономическое развитие идут рядом в современной ему Германии.

Представляется, что эта взаимосвязь тематики, избранной для осмысления Хайдеггером, и социально-экономического положения Германии пока еще недостаточно отражена в отечественных хайдеггерианских исследованиях. Однако понимание этого факта позволяет увидеть переключку и внутренний диалог с известной работой К. Ясперса «Атомная бомба и будущее человечества» (1958), где исследуется культурно-психологическая значимость как ядерного оружия, так и «холодной войны».

Но вернемся к «Вопросу о технике». «В нижеследующем мы спрашиваем о технике. <...> Мы ставим вопрос о технике и хотели бы тем самым подготовить возможность свободного отношения к ней. Свободным оно будет, если откроет наше присутствие (Dasein) для сущности техники. Встав вровень с этой сущностью, мы сумеем охватить техническое в его границах» [6, с. 221]. Даже в русском переводе, осуществленном В.В. Бибихиным, в самом синтаксисе высказывания мы видим, что немецкий мыслитель не рассматривает технику только как некий инструмент, средство достижения внешних по отношению к ней целей, а человек не выступает для него как господин техники и мира.

Для понимания сущности техники он предлагает рассмотреть отношение самой техники к сущности техники, которая не есть нечто само по себе техническое, как сущность дерева не есть нечто «деревянное». В связи с этим анализируется инструментальное и антропологическое определение техники, которое признается «правильным», но только при условии понимания сути самой «инструментальности».

Сущностью вещи, согласно старинному философскому учению, называется то, что она есть. Мы ставим вопрос о технике, когда спрашиваем, что она

такое. Каждому известны оба суждения, служащие ответом на такой вопрос. Одно гласит: «Техника есть средство для достижения целей. Другое гласит: техника есть известного рода человеческая деятельность. Оба определения техники говорят об одном <...> примелькавшееся представление о технике, согласно которому она есть средство и человеческая деятельность, можно поэтому назвать инструментальным и антропологическим определением техники» [6, с. 221].

Инструментальным представлением о технике движется любое усилие человека по управлению техникой как средством. Идеи «утвердить власть духа над техникой», «овладеть техникой» все более настойчивы, потому что техника все больше грозит вырваться из-под власти человека.

Но стоит допустить, что техника не является только средством, как ситуация совершенно изменяется. «Инструментальное» само по себе есть средство для достижения определенной цели, но действие, совершаемое с некоторой целью, является причиной, или «деятельной причиной» (*causa efficiens*). По Хайдеггеру, именно этот тип причинности дает привычное основание для инструментального понимания техники. Но у Аристотеля и его современников представления о причинности существенно отличались от представлений Нового времени.

Для греческого понимания причины нехарактерна интерпретация «то, что делается с чем-то», а близок скорее смысл, который у Хайдеггера обозначен как близкий к «виновности в появлении чего-либо», точнее – смысл «распоряжения», «про-из-ведения», т.е. творчества, ποιήσις'α. Но про-из-ведение одновременно есть и рас-крытие истины, античная ἀλήθεια. Таким образом, техника есть способ раскрытия истины, а не просто средство.

Древнегреческое τέχνη было связано с познанием и раскрытием истины, а не изготовлением чего-либо ради достижения определенной цели. Новоевропейский «машинный» подход отличается от античного – он основывается на достижениях естественных и точных наук. Поворотным моментом в формировании этого смысла техники стала философия Декарта, который свел природу к *res extensa*, протяженной вещи, поддающейся математическому исследованию. Возможность новоевропейской машинной техники и ее преобразовательного воздействия на мир и человечество реализуется именно на математической основе.

Современная Хайдеггеру техника – не следует забывать, что речь идет о технике середины XX в., и с тех пор кое-что изменилось! – обращена к природе с требованием давать энергию. Самый известный пример из «Вопроса о технике»: «На Рейне построена электростанция. Она ставит реку на создание гидравлического напора, заставляющего вращаться турбины, чье вращение приводит в действие машины, поставляющие электрический ток, для передачи которого установлены энергосистемы с их электросетью. В системе взаимосвязанных результатов поставки электрической энергии сам рейнский поток

предстает чем-то предоставленным как раз для этого. Гидроэлектростанция не встроена в реку так, как старый деревянный мост, веками связывающий один берег с другим. Скорее река встроена в гидроэлектростанцию. Рейн есть то, что он теперь есть в качестве реки, а именно поставитель гидравлического напора, благодаря существованию гидроэлектростанции. Чтобы хоть отдаленно оценить чудовищность этого обстоятельства, на секунду задумаемся о контрасте, звучащем в этих двух именах собственных: “Рейн”, встроены в гидроэлектростанцию для производства энергии, и “Рейн”, о котором говорит произведение искусства, одноименный гимн Фридриха Гельдерлина» [6, с. 226 – 227].

Сущность современной техники состоит в приведении всего в мире в наличное состояние с целью «поставки чего-то ради чего-то». Это наличное состояние не является внешним для человека, оно есть способ осуществления самого человека, но именно поэтому оно оказывается незаметным, неосознаваемым. Но как Платон не создавал «эйдосов», через которые открывалась сущность сущего в античности, так и современный человек не создает «техники», через которую открывается непотаенное. Технику нельзя считать исключительно делом человеческих рук. Техника вменена человеку, человек к ней «приговорен». Собственно, *Gestell* и есть приговор бытия человеку, – приговор, состоящий в том, что человек должен сосредоточиться на самораскрытии, приведении всего – природы, космоса, самого человека, – к наличному состоянию.

Понятие, которое пытается ввести и разъяснить в этом тексте Хайдеггер – «постав», «*Gestell*», объясняется таким способом: «В существующем смысле слово “постав” означает станок, например ткацкий. Поставом называются также мельничные жернова. И таким же тяжелым и жестким, как они, кажется напросившееся нам теперь новое употребление слова “постав”, не говоря уже о произволе такого переименования слов зрелого языка. <...> Но только эти странности – старый обычай мысли. И мыслители следуют ему как раз тогда, когда мысль должна приблизиться к самому весоному. Мы, поздно рожденные, уже не в состоянии взвесить, что это значит, когда Платон решается употребить для обозначения существа всего существующего слово “эйдос”. <...> Рядом с тем, что в этом и в некоторых других случаях Платон навязывает языку и мышлению, применить слово “постав”, как мы сейчас решили, в качестве имени для существа современной техники можно почти безобидно. <...> Поставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим» [6, с. 229].

Таким образом, техника не локализована в субъекте или объекте, она проявляется как отношение между ними, взаимоотношенное единство. Но человек воображает себя творцом технической цивилизации, и в этом скрывается главная опасность – переживание своего мнимого господства над природным миром

влечет забывание себя, человек оказывается подчинен власти Gestell.

Итак, человек убежден в том, что он сам определяет свое положение в истории. Однако, по убеждению Хайдеггера, господство техники в современном мире не является результатом желания или каприза человека или деятельности группы людей. Техническое овладение бытием есть событие открытия потаенности бытия, а не результат человеческой деятельности. Субъект-человек всего лишь дает ответ на вызов бытия: «В новом и небывалом размахе своей деятельности современный человек тоже всего лишь отвечает на неслышимый вызов бытия» [4, с. 205].

Философа интересует прежде всего вопрос об онтологических основах техники, и потому важно понять также, как цельная онтология Хайдеггера соотносится с вопросом о технике. Техника обнаруживается в более обширном пространстве бытия, которое открывается человеку через действие. Это пространство особого рода, которое по аналогии так относится к физико-геометрическому пространству, как эйдос к телу, как отмечает А.Н. Павленко [3, с. 386 – 408]. Он указывает, что это определено не физическое и не геометрическое пространство, это именно пространство бытийное, иначе говоря – эйдетическая субструктура всех других его проявлений, в том числе физического и геометрического, которые остаются «пустыми», если не структурировано пространство бытийное.

Интересно, что, таким образом становится очевиден эстетический ход хайдеггеровской мысли, который проявляется не только в указанном выше переносе термина «Gestell» с искусства на технику, но и в более общем смысле – в рассмотрении неких бытийных пространственных структур, своего рода эстезиса (М. Мафессоли), – как условия геометрического, физического и других пространств.

Взгляд Хайдеггера на сущность техники и отношение к ней человека существенно отличается от мнения Н.А. Бердяева, все же рассматривавшего технику именно в ее инструментальном аспекте, а человека как субъект, способный подчинить технику и посредством ее преобразовать и мир (пространство мира), и себя.

Через бытийное пространство бытие открывается человеку в сущем, непотаенность и доступность сущего и становится предметом исследования для человека. Так и техника выступает одним из способов обнаружения непотаенности. Но новоевропейский человек, для которого непотаенность присутствует везде, утрачивает способность ее улавливать, поскольку непосредственная данность ускользает от целенаправленного внимания. Здесь уместна аналогия с воздухом, который невидим, не воспринимается органами чувств, однако является условием человеческого существования и возможности видеть мир. Поэтому новоевропейский человек, как считает Хайдеггер, ошибочно считает бытием бытие закрытого, «представляющего» субъекта, а не бытие-воцарение открытого пространства. Эта точка зрения порой

подвергалась критике, согласно которой техническое произведение есть произведение человеческого сознания на основе комбинации наличных средств, Хайдеггер же со своими взглядами выступает как платоник.

Но целостная логика рассуждений Хайдеггера остается неязвимой для подобных критических высказываний. Место техники Хайдеггер определяет через целостность «бытия-в-мире», познания мира как способа связи с ним, для которого актуальны не только техника, но и иные пути и формы – наука, искусство, философия [4, с. 170 – 172].

Техника – своеобразный способ обнаружения бытия сущего, специфичный для культуры Нового времени. Уже в «Пролегоменах к истории понятия времени» Хайдеггер связывает ее с «заботой» – еще одним ключевым концептом своей онтологии. Бытие-к-миру есть забота (Die Sorge), реализующая назначение вещей, через которое проявляются значения вещей-«объектов» для человека. (Забота – это некое «забегание вперед», прогнозное обнаружение того, что будет новым наличным бытием.) Значения же и создают бытийную структуру мира. Они не приписаны вещам человеком, а объективно выявляются, например, через функцию вещи. Этот момент и сближает хайдеггеровскую онтологию с платонизмом.

Однако именно через человека, его озабоченность, его «бытие-в-мире» устанавливаются знаки и значения вещей. Поэтому окружающий человека мир озабоченности Хайдеггер называет миром труда (Werkwelt). Корни, истоки мира труда философ обнаруживает в анализе разрыва «естественной» связи человека с «естественным миром». Для компенсации разорванности человек изобретает искусственные «протезы» – технические инструменты, технику в целом. Техника таким образом неизбежно вменена ему, до ее изобретения он в сущности не является человеком. Фатальность техники как искусственной компенсации естественного осознавал не только немецкий мыслитель, но и, например, его критик и современник Х. Ортега-и-Гассет в «Размышлениях о технике».

При этом технические устройства изначально рассчитаны либо на использование, либо на защиту от «вредоносных», угрожающих природных сил, т.е. на получение полезного результата. Мир естественного, природного рассматривается таким образом как нечто враждебное для индивида. Новоевропейский человек усиливает, усугубляет это отношение, для него подчинение природы с помощью техники, ее исследование и преобразование оказываются своего рода сражением, в котором доказывается самостоятельность личности.

Тут возникает вопрос об историчности техники, поскольку способы ее проявления связаны с историей взаимодействия человека с естественным. Если античная и средневековая техника была скорее оборонительной, то техника новоевропейская, опираясь на науку, становится, с точки зрения Хайдеггера, наступательной и завоевательной.

В соответствии с таким пониманием сущности техники и следует рассматривать ее как *Gestell*. Этот термин, в соответствии с традицией, заложенной в переводах В.В. Бибихина, переводится на русский как «Постав». А.Н. Павленко, изучавший раскрытие проблемы техники у Хайдеггера, указывает, что понимание техники как *Gestell* должно быть включено в содержательно более объемный концепт «*Machenschaft*», значительно реже упоминаемый в отечественных штудиях хайдеггерианы.

Хайдеггер рассматривает *Machenschaft* не в обычном упрощенном смысле «уловки» или «махинации», а как «способ существования бытия» (*eine Art der Wesung des Seins*), технологическую сторону техники. Павленко пишет, что с помощью *Machenschaft*, по Хайдеггеру, следует называть то, что «нечто создает само из себя» (*Sich etwas von selbst macht*) и таким образом оказывается пригодным для возникающих нужд; это *Sich-von-selbst-machen* произошло от *τέχνη* и ее смыслового поля, которое в свою очередь исходит из определенного истолкования *φύσις* [3, с. 386 – 408].

Если в античности *Machenschaft* присутствует, но скрыто, так как античность находится под влиянием концепта энтелехии, раскрытия бытия сущего, то в средневековье оно «выходит из тени» благодаря понятию *actus* и переосмыслению религиозных установок. Иудео-христианское понимание творения предполагает, что Бог представляет собой не просто бытие пребывающее (*ens*), а бытие творящее, действующее (*ens creatum*), а также усиливает причинное истолкование мира, благодаря чему Бог истолковывается как причина самого себя (*causa sui*). Таким образом, с онтологической точки зрения *Machenschaft* можно расшифровывать как «самосозидание», а для Нового времени – как самосознающее самосозидание челове-

ка. Именно в новоевропейскую эпоху *Machenschaft* принимает форму подчинения всего сущего господству этого самосознающего самосозидания, т.е. форму *Gestell*.

Размышление о технике, проделанное Хайдеггером почти 60 лет назад, сегодня особо значимо, так как техника приобрела в наши дни несравненно большее влияние на культуру и человека. Возможно, нам необходимо принять его трактовку и стать человечеством, «которое в самой своей основе соразмерно уникальному существу новоевропейской техники и ее метафизической истине, то есть которое дает существу техники целиком овладеть собою, чтобы так непосредственно самому направлять и использовать все отдельные процессы и возможности» [7, с. 285].

Литература

1. *Herrmann F.-W. von. Das Ereignis und die Fragen nach dem Wesen der Technik, Politik und Kunst// Kunst, Politik, Technik: Martin Heidegger. München, 1992.*
2. *Thoma D. Die Zeit des Selbst und die Zeit danach: Zur Kritik der Textgeschichte Martin Heideggers (1910 – 1976). Suhrkamp, 1990.*
3. *Павленко А.Н. Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбурга // Историко-философский ежегодник-2002. М., 2002.*
4. *Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. Е.Борисова. Томск, 1998.*
5. *Heidegger M. Die Frage nah der Technik// Die Künste im technischen Zeitalter. München, 1954.*
6. *Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М., 1993.*
7. *Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988.*